

УДК 371.2, 371.1.07

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-141-146

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СЛУЖАЩИХ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1924 ГОДЫ)

Д. В. Волошин

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск

Рассматриваются вопросы подготовки отечественного пенитенциарного персонала (далее – профподготовка) в начальный советский период, проводится фокусирование на событиях, с этим связанных, на историко-педагогическом опыте, пробах и ошибках. Нижняя хронологическая граница начинается в октябре 1917 г. с приходом к власти большевиков. Верхняя связана со II Съездом работников пенитенциарного дела РСФСР, прошедшим в ноябре – декабре 1924 г., во исполнение решений которого со второй половины 1920-х гг. стало возможным системное решение вопросов профподготовки пенитенциарного персонала. Раскрываются первые решения советского правительства в области кадровой пенитенциарной политики, продиктованные сменой пенитенциарных приоритетов; содержания внешних (общегосударственных) и внутренних (пенитенциарного ведомства) факторов, негативно влиявших на профподготовку в рассматриваемый период.

Ключевые слова: история образования, пенитенциарный персонал, профессиональная подготовка, служащие мест заключения.

Подготовка пенитенциарного персонала¹ в начальные годы советской власти остается одной из малоизученных тем в российской педагогике. Жизнь требует извлечь практическую пользу из уроков прошлого, спрогнозировать пути дальнейшего развития профподготовки сегодняшнего и последующего пенитенциарного персонала. «Достигнутое ныне состояние всей системы образования является следствием ее длительного развития», позволяющего проследить образовательные потребности и перспективы [1, с. 5]. По прошествии почти столетия, обладая историко-архивными документами, свидетельствами современников и материалами последующих исследований, в современности, «чтобы добиться высокого результата», допустить меньше неизбежных при творческой деятельности ошибок, «полезно изучить опыт большевиков в трудные для страны 1920-е гг.» [2, с. 62].

Методологию пенитенциарной политики страны Советов определила программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г. с тезисами о замене «тюрьмы воспитательными учреждениями», а лишения свободы – «обязательным трудом с сохранением свободы» [3, с. 431]. Однако для реализации принятого курса вначале необходимо было понять, с каким составом служащих мест заключения большевики будут воплощать в жизнь такие «замены». В то время кадровый вопрос являлся весьма актуальным.

После эпохальных событий октября 1917 г. основная часть тюремной администрации – специалистов старой системы – была отстранена от работы

¹ В статье используются термины «пенитенциарный персонал», «служащие мест заключения», «тюремная администрация» и «тюремные служащие» как тождественные.

«в большинстве случаев без разбора», руководствуясь «революционным сознанием трудящихся масс» [4, с. 417]. Другая часть массово и вынужденно покидала службу по причинам, как правило, идеологического или финансового характера. Не пожелав мириться с создавшимся положением, уже через неделю после прихода к власти большевики предписали всему пенитенциарному персоналу «в интересах государства немедленно приступить к исполнению своих служебных обязанностей» [5, с. 11]. Однако ожидаемого результата эти действия не принесли. Поэтому было принято решение, отвечавшее сути того времени: заменить персональный состав начальников мест заключения лицами, стоящими «на платформе советской власти». В основном это были рабочие-большевики, практически незнакомые со спецификой новой для них работы и не имевшие опыта управления организациями [6, с. 44–45].

Проведенная таким способом механическая замена (больше похожая на идеологическую кадровую «чистку») пенитенциарного персонала «новыми лицами, часто малоопытными в разрешении вопросов управления местами заключения», отрицательно сказывалась на всей пенитенциарной деятельности, «заставляя... преодолевать излишние трудности» [5, с. 51]. В такой обстановке объективным выглядело бы решение как минимум о первоначальной профподготовке таких служащих. Однако новая власть была вынуждена взяться за решение более насущных образовательных проблем, основная из которых – мероприятия по устранению неграмотности и малограмотности среди населения республики, включая и вновь принятый пенитенциарный персонал. Процесс же его профподготовки напрямую был связан с выполнением

этой государственной программы не мог быть полностью реализован ранее достижения ее целей. Поэтому основной образовательный акцент тогда был направлен на профподготовку нового руководящего звена мест заключения.

Одновременно с 1918 г. предпринимались попытки поиска доступных в этих условиях форм и методов профподготовки пенитенциарного персонала. Историко-педагогический поиск позволил установить, что с декабря 1918 г. в Москве [4, с. 420; 6, с. 261] при Центральном карательном отделе (первоначальное советское название центрального органа управления уголовно-исполнительной системы) «в скромных, правда, пределах возможного» начали функционировать первые пенитенциарные «курсы для работников исправительно-трудовых учреждений без отрыва от работы». Подобные курсы позднее были организованы также «при Тверском, Вятском и других карательных отделах» [4, с. 418, 420].

В марте 1919 г. в Москве были открыты первые в советской России подготовительные курсы младших начальников (инструкторов) конвойной стражи [7, с. 303], положившие начало их профподготовки.

В тот же год организуются московские курсы для воспитателей в местах заключения. В качестве примера следует провести анализ их образовательной программы [8], позволяющий выделить наиболее характерные для рассматриваемого периода образовательные посылы и группы формируемых профессиональных компетентностей.

Во-первых, это блок правовых учебных дисциплин: лишение свободы с точки зрения пролетарского права и практики лишения свободы, уголовное право и курс пенитенциарной науки, заграничные карательные учреждения. Здесь представляет несомненную значимость рассмотрение исторического обзора и текущего состояния зарубежных мест заключения, что отчасти может говорить о желании организаторов дать сравнительный анализ мировых пенитенциарных систем с учетом «точки зрения пролетарского права».

Следующая группа – административно-хозяйственных компетентностей – имела более выраженное прикладное значение, раскрывая хозяйственную (бытовую) и административную стороны тюремного управления.

Далее следовал психолого-воспитательный раздел, включавший вопросы психологического наблюдения и изучения преступника, а также методы воспитательного и исправительного воздействия на лиц, лишенных свободы. Наличие этого блока было обусловлено стремлением к познанию особенностей личности «последних» (как тогда считали) преступников и оказанию на них психолого-педаго-

гического воздействия посредством полученных знаний.

Новая власть стремилась также к юридическому закреплению правовых основ своей кадровой пенитенциарной политики (включая профподготовку служащих мест заключения), постепенно начав ее формирование.

Первым ведомственным документом, регламентировавшим порядок комплектования кадрами места лишения свободы, стал циркуляр Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – Наркомюст) от 19 марта 1918 г. «О порядке увольнения и назначения на должности тюремной инспекции и администрации». В нем определена номенклатура должностей, комплектуемых под контролем центральных и местных органов управления, подчеркивалась их роль в подборе и расстановке личного состава на местах [9, с. 344].

На проведение обязательных образовательных мероприятий «для работников в тюремном деле», указывала Временная инструкция от 27 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» – первый системный «пенитенциарный» документ государства, «связанный с коренным переустройством пенитенциарной системы» [10, с. 28].

Обоснование необходимости профподготовки содержит Положение об общих местах заключения РСФСР 1920 г. Документом устанавливалось «преимущество при назначении» на вышестоящие должности наблюдателей (надзирателей) «лицам, окончившим пенитенциарные курсы» (§ 15, 17), а назначения по учебно-воспитательной части планировалось осуществлять из лиц «с пенитенциарной подготовкой» (§ 134–136) [11].

Приведенные источники дают основания полагать, что руководство пенитенциарного ведомства – с октября 1922 г. это Главное управление мест заключения (ГУМЗ) – рассчитывало, что сможет осуществлять постоянную целенаправленную профподготовку служащих мест заключения даже в такое непростое время. О скором создании «научно-учебного заведения», которое «разрабатывало бы пенитенциарные вопросы» и «подготавливало кадры практических работников в этой сфере» Наркомюст отразил еще в 1920 г., утверждая, что «проект „Пенитенциарного института“ уже разработан и передан в Наркомпрос» [4, с. 418].

При этом сам факт организации курсовой подготовки пенитенциарного персонала (пусть не централизованной и без отрыва от работы) должен был демонстрировать решимость новой власти в реализации намеченного.

На деле же большая часть данных положений до середины 1920-х гг. оставалась лишь на бумаге,

а их практическая реализация стала возможна лишь после завершения второго съезда [12]. Сложившаяся ситуация была обусловлена, вероятнее всего, комплексом различных факторов, как внешнего (общегосударственного), так и внутреннего (ведомственного) характера.

Внешние факторы напрямую зависели от складывавшейся исторической реальности рассматриваемого периода.

По мнению авторов, основным внешним фактором выступала парадигма, метко подмеченная современником рассматриваемых событий, одним из основоположников исправительно-трудового (пенитенциарного) права России М. М. Исаевым: «До окончания гражданской войны Советская власть все же не могла заняться органической работой в области пенитенциарии. Прежде всего тяжелые материальные условия, в которых вообще находилась страна в годы военного коммунизма, отзывались на пенитенциарном ведомстве с большей силой, чем на каком-либо другом» [13, с. 100]. Ее взгляды на пенитенциарные проблемы до второго съезда можно охарактеризовать как посредственные, второстепенные, обрабатываемые по отношению к вспомогательной (обеспечивающей) функции государства, не являвшейся для страны жизненно важной на текущий исторический момент.

В условиях острейшей классовой борьбы, гражданского вооруженного противостояния, практического паралича народного хозяйства, экономического хаоса, разгула преступности и обнищания населения, выстраивания новой вертикали управления и общественных отношений, при отсутствии необходимых материальных и людских ресурсов новая власть могла уделять внимание только самым насущным потребностям, приоритетным для выживания самого государства. Неизбежно возникающие вопросы иного уровня решались по мере того, на что оставались силы, время, средства и проверенные людские ресурсы. В такую эпоху на все и сразу государства просто не хватает. Также негативно сказывался общий низкий уровень образованности среди пришедших к власти вне столичных регионов и, как правило, их отрицательное отношение к работникам старого режима, особенно правоохранительного профиля.

Сложно не согласиться с доводами проф. М. М. Исаева о том, что «пенитенциария была фронтом, которым меньше всего могла интересоваться Советская власть» в свой начальный период [13, с. 100].

Проведенное историко-педагогическое исследование позволило выделить следующие ведомственные факторы, негативно влиявшие на подготовку служащих мест заключения в первые годы советской власти:

– непрестижность службы (этот феномен, к сожалению, отчасти был «традиционен» для отечественной пенитенциарной системы и Российской империи, и Временного правительства, и более позднего советского времени);

– высокая физическая и психоэмоциональная напряженность (сложность) пенитенциарной деятельности, когда основное рабочее время большая часть служащих мест заключения находилась в непосредственном контакте с профессиональными преступниками или классово (социально) чуждыми, враждебно настроенными людьми и т. п.;

– недостаточное материальное, продовольственное и финансовое обеспечение, что заставляло надзирательский состав переходить на службу в другие ведомства² или искать возможность дополнительного заработка путем сговора с заключенными. В официальном отчете НКВД за 1922 г. прямо указывалось, что «обеспечение тюремной стражи не лучше заключенных, а, пожалуй, даже и хуже» [14, с. 43];

– расположение многих пенитенциарных объектов в удаленной и труднодоступной местности, с неблагоприятным климатом и т. п., делавшее практически невозможным привлечение туда на службу персонала из других мест заключения или других ведомств, а также служащих, прошедших профподготовку в губернских (областных и т. д.) центрах;

– прерывание кадровой преемственности в службе в связи с применением к комплектованию персонала мест заключения идеологизированного (классового) подхода. При этом делался упор на недопущение до службы или отстранения от нее старого тюремного персонала [4, с. 417, 418];

– вследствие вышесказанного – кадровый голод (высокая текучесть кадров и их большой некомплект). Так, в отчете Наркомюста за 1921 г. говорилось: «Тюремная стража бежит со службы и... некомплект во многих местах доходит до 40 и более процентов» [15, с. 19]. За следующие несколько лет ситуация не изменилась: по докладу начальника ГУМЗ второму съезду (1924 г.) текучесть пенитенциарного персонала «равна 60%», а служащие мест заключения «очень часто снимаются с работы, спустя короткое время после назначения на нее» [16, с. 30]. Для сравнения следует отметить, что кадровая ситуация до событий 1917 г. была противоположной: личный состав тюремной администрации обновлялся «приблизительно в шестилетний период времени» [17, с. 274];

– дефицит современной специальной (пенитенциарной) и специализированной (по отраслям

² Хотя с 12.04.1919 действовал Декрет о запрете самовольного перехода советских служащих из одного ведомства в другое без представления письменного удостоверения руководства по прежнему месту службы. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_453.htm

пенитенциарной деятельности) учебно-методической и научной литературы. Большинство имевшихся изданий были опубликованы еще в царские времена и не отвечали пенитенциарным реалиям;

– отсутствие в пенитенциарном ведомстве отдельного подразделения, специально занимавшегося вопросами подготовки служащих мест заключения. Временная инструкция 1918 г. возлагала «Организацию курсов для работников в тюремном деле» на 1-е отделение Карательного отдела Наркомюста, имевшего шесть направлений деятельности, где в одном из них была одной из пяти задач. Впрочем, такой самостоятельный орган отсутствовал и в царский период в Главном тюремном управлении, и при Временном правительстве в ГУМЗ);

– доминирование подготовки пенитенциарного персонала «на местах» без отрыва от служебной деятельности при практическом отсутствии материально-педагогической базы и без эффективного контроля качества учебного процесса;

– нехватка у организаторов курсов (в особенности на местах) системных педагогических и организационных знаний вопросов профподготовки, отсутствие опыта управленческой педагогической деятельности. Сами они не всегда обладали должной профессиональной компетентностью пенитенциарного служащего, в большинстве своем имели примитивные знания об основах функционирования образовательных систем. Составленные же ими учебные планы и программы представляли собой «многогранное творчество пионеров данного нелегкого дела» [18, с. 66];

– непосредственно при осуществлении учебного процесса обучающий ориентировался более на собственные интуицию и «революционное сознание», чем на «царскую» методику организации педагогической деятельности, и т. д.

Также необходимо учитывать, что к середине рассматриваемых событий уже сложились отличия курсовой профподготовки пенитенциарного персонала от аналогичной милицейской системы (наиболее близкой по форме и методам, внутренним и образовательным проблемам). Уже в 1922 г. был фактически завершен период формирования милицейской школьно-курсовой сети. В ней имелись «три типа школ и курсов», из которых Петроградская и Омская школы вели подготовку сотрудников более высокого должностного уровня [19, с. 3, 5]. В то же время процесс подготовки пенитенциарного персонала носил бессистемный, ситуационный характер, что не позволяло полноценно решать образовательные задачи. Вдобавок отсутствовало школьное образовательное звено, а имевшиеся курсы были ориентированы, как правило, на ликвидацию профессиональной неграмотности, реализуя функции современных учебных центров.

Вопрос об организации собственных учебных заведений вообще не рассматривался пенитенциарным ведомством до конца 1924 г. [12].

Немаловажным являлось и то, что даже при окончании служащим мест заключения курсов профподготовки этот факт не выступал доминантой при занятии вышестоящих должностей. Идеологическая парадигма на долгие годы стала способной подвинуть или отстранить компетентного специалиста от продвижения по службе в пенитенциарной системе даже несмотря на то, что проблема профессиональной подготовленности персонала была одной из наиболее сложных кадровых проблем. Еще осенью 1923 г. Всероссийский съезд работников исправительно-трудоустройства, понимая злободневность и необходимость подготовки пенитенциарного персонала, указал ГУМЗ на необходимость «устройства курсов для подготовки достаточно знающего кадра пенитенциарных работников» [4, с. 418]. К сожалению, тогда этот призыв не был услышан и потребовался еще один год и еще один съезд (1924 г.), чтобы ситуация с подготовкой служащих мест заключения начала исправляться.

В заключение следует отметить, что проведенное историко-педагогическое исследование показало, что молодое советское государство в начальные годы проявляло недостаточное внимание к проблеме профподготовки пенитенциарного персонала. Вероятнее всего, помимо обозначенных выше факторов здесь сказалась ошибочная позиция руководства ГУМЗ, до второго съезда фактически отстранившегося от решения этого вопроса. В оправдание своего практического бездействия начальник ГУМЗ Е. Г. Ширвиндт, выступая на втором съезде, объяснял делегатам, что до принятия Исправительно-трудоустройства кодекса для подготовки пенитенциарного персонала отсутствовала юридическая база, а «заниматься обучением товарищей в таких условиях является нецелесообразным. Не рационально тратить средства и энергию на специальное обучение...». Также отмечалось, что «до издания этого Кодекса... организация такой школы является преждевременной» [16, с. 30]. Здесь прослеживается посыл руководства ГУМЗ о том, что только с принятием кодекса ими был решен один из ключевых вопросов педагогики – чему учить?³

Историко-педагогический опыт профподготовки служащих мест заключения в первые годы советской власти небогат, но явственно демонстрирует проблемы и противоречия того непростого

³ С такими доводами руководителя ГУМЗ можно было согласиться или оспорить. Но опровержение, как и доказательство этих аргументов, не входит в предмет статьи, имеет, на взгляд авторов, историко-юридическую составляющую и может быть рассмотрена в самостоятельной публикации.

времени. Пройдя свой тернистый и стремительный путь не напрасно, он не канул в Лету, а был востребован пенитенциарной системой при организации и функционировании позднейших курсов. Именно благодаря первым образовательным начинаниям с середины 1920-х гг. в государстве началось зарождение советской системы подготовки пенитенциарного персонала.

Список литературы

1. Широкова М. П. Зарождение и становление профессионально-педагогического образования в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2000. Вып. 4 (20). С. 5–9.
2. Некрасова Л. И. Применение российского опыта финансирования образования 1920-х годов к современным условиям // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2004. Вып. 4 (41). С. 61–65.
3. Ленин В. И. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // ПСС. 5-е изд. Т. 38. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. 580 с.
4. Бехтерев Ю., Любимова Е. Борьба за кадры в исправительно-трудовом деле // От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. 1934. С. 415–428.
5. Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917–1920 гг.): сб. док. М.: Высш. шк. МВД РСФСР, 1960. 168 с.
6. Стручков Н. А. и др. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 г. – 1925 г.): уч. пособие. Вып. 1. Ч. 2. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1984. 84 с.
7. Борисов А. В. и др. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М.: Изд-во Объединен. ред. МВД России, 1996. 464 с.
8. ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 636. Л. 6, 12, 16.
9. Олейник И. И. Создание и правовое положение местных комиссариатов юстиции в советском государстве // Пенитенциарная система: история и современность: сб. научн. тр. Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. С. 331–347.
10. Уйманов В. Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2011. 330 с.
11. Пост. Народного комиссариата юстиции от 15.11.1920 «Положение об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Волошин Д. В. Школьно-курсовая профессиональная подготовка служащих мест заключения во второй половине 1920-х гг. // Ярославский пед. вестн. 2016. № 5. С. 80–84.
13. Исаев М. Основы пенитенциарной политики. М.: Гос. изд-во, 1927. 196 с.
14. Пенитенциарное дело в 1922 г.: отчет НКВД по Главному управлению мест заключения X съезду Советов рабочих, крестьянский и красноармейских депутатов. М.: Изд-во Моск. губ. Таганск. тюрьмы, 1923. 47 с.
15. Тюремное дело в 1921 году: отчет Народного комиссариата юстиции по Центральному исправительно-трудовому отделу IX Всероссийскому съезду советов Р., Кр., и К. Д. М., 1921. 32 с.
16. Второй Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела (25 ноября – 1 декабря 1924 года): стенографический отчет (Доклады. Прения. Резолюция. Тезисы). Изд. НКВД, 1925. 195 с.
17. Лучинский Н. Извлечение из отчета Главного тюремного управления за 1903 год // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 8. С. 273–283.
18. Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы). М.: Акад. упр. МВД России, 1997. 94 с.
19. Кожевина М. А. Омская милицейская школа в системе профессионального образования МВД России: этапы развития // Научн. вестник Омск. акад. МВД России. 2010. № 2 (37). С. 3–6.

Волошин Денис Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России (ул. Говорова, 10, Томск, Россия, 634057). E-mail: sdf111@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 14.06.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-141-146

PROFESSIONAL TRAINING OF PENITENTIARY STAFF IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER (1917–1924)

D. V. Voloshin

Tomsk Institute of Further Training of Penal Officers of the Federal Penal Service of Russia, Tomsk, Russian Federation

In the article the issues of penitentiary staff training during the first years of the Soviet government are revealed. These issues are of concern for research as one of the underworked topics in native science. The author focuses on the events connected with it, on historical and pedagogical experience, trials and errors of pioneers of Soviet penitentiary staff training system. Chronological boundaries of the article are determined by the major events of Russian history, which were highly influential on the process of professional penitentiary staff training. The lowest boundary begins in October 1917 with inauguration of Bolshevik regime. The highest is connected with the Second Congress of penitentiary affairs officials of the RSFSR held from November to December 1924, after the agreements of which

systematic solutions of the issues of Soviet penitentiary staff training became possible since the second half of 1920s. The first agreements of the government during the first years of Bolshevik regime concerning penitentiary personnel policy and shifting penitentiary priorities are revealed. The central place in the article is devoted to the revealing of external and domestic factors undermining the professional penitentiary staff training and having a negative impact on the possibilities of penitentiary personnel policy in that period. The conclusion about the role of the first educational endeavors of Soviet government in foundation of the Soviet system of penitentiary staff training is stated.

Key words: *history of education, personnel policy, penitentiary staff, professional training.*

References

1. Shirokova M. P. Zarozhdeniye i stanovleniye professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya v Sibiri (konets XIX – nachalo XX vekov) [Origin and development of professional-pedagogical education in Siberia (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2000, vol. 4 (20), pp. 5–9 (in Russian).
2. Nekrasova L. I. Primeneniye rossiyskogo opyta finansirovaniya obrazovaniya 1920-kh godov k sovremennym usloviyam [Application of Russian Experience of Education Financing of 1920-s to Modern Conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2004, vol. 4 (41), pp. 61–65 (in Russian).
3. Lenin V. I. *Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov)* [The program of the Russian Social Democratic Party (the Bolsheviks)]. Complete set of works. 5th edition. Vol. 38. 580 p. (in Russian).
4. Bekhterev Yu., Lyubimova E. Bor'ba za kadry v ispravitel'no-trudovom dele [Efforts for staff in correctional labour trade]. *Ot tyurem k vospitatel'nyim uchrezhdeniyam* [From Prisons to Correctional Facilities]. 1934. Pp. 415–428 (in Russian).
5. *Iz istorii ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy RSFSR (oktyabr' 1917 – 1920 gody)* [From the history of labour correctional facilities of RSFSR (October, 1917–1920)]. Moscow, MVD RSFSR higher school Publ., 1960. 168 p. (in Russian).
6. Struchkov N. A. et al. *Stanovleniye sovetского ispravitel'no-trudovogo prava (oktyabr' 1917 g. – 1925 g.: uch. posobiye)* [Foundation of the Soviet labour correctional law (October, 1917 – 1925): study guide]. Issue 1. Part 2. Ryazan, RMS MVD USSR Publ., 1984. 84 p. (in Russian).
7. Borisov A. V. et al. *Organy i voyska MVD Rossii. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Security forces and troops of the Russian MVD. A brief historical sketch]. Moscow, MVD Rossii Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
8. *Gosudarstvennyy Arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 635. Op. 3. D. 636. Pp. 6, 12, 16 (in Russian).
9. Oleynik I. I. Sozdaniye i pravovoye polozheniye mestnykh komissariatov yustitsii v sovetskom gosudarstve [Foundation and legal state of local Commissariats of Justice in the Soviet government]. *Penitentsiarnaya sistema: istoriya i sovremennost': sb. nauch. trudov* [Penitentiary system: history and modernity: collection of scientific works]. Ivanovo, PressSto Publ., 2008. Pp. 331–347 (in Russian).
10. Uymanov V. N. *Penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri (1920–1941 gg.)* [Penitentiary system of the West Siberia (1920–1941)]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2011. 330 p. (in Russian).
11. Post. Narodnogo komissariata yustitsii ot 15.11.1920 "Polozheniye ob obshchikh mestakh zaklyucheniya R.S.F.S.R." [Decree of the People's Commissariat of Justice of 15.11.1920 "Regulations on the common places of detention of the RSFSR"]. *SPS KonsultantPlus* – *SPS ConsultantPlus* (in Russian).
12. Voloshin D. V. Shkol'no-kursovaya professional'naya podgotovka sluzhashchikh mest zaklyucheniya vo vtoroy polovine 1920-kh gg. [Schools and Courses for Professional Penitentiary Staff Training in the second half of 1920-s]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslav Pedagogical Bulletin*, 2016, vol. 5, pp. 80–84 (in Russian).
13. Isaev M. *Osnovy penitentsiarnoy politiki* [The basics of penitentiary policy]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1927. 196 p. (in Russian).
14. *Penitentsiarnoye delo v 1922 g. Otchet NKVD po Glavnomu upravleniyu mest zaklyucheniya X s'ezdu Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov* [Penitentiary affairs in 1922. The NKVD report on the Head penitentiary department to X congress of Soviet of Workers', Peasants' and Red Army men's Deputies]. Moscow, Izd-vo Mosk. gub. Tagansk. Tyur'my Publ., 1923. 47 p. (in Russian).
15. *Tyuremnoye delo v 1921 g.: Otchet Narodnogo komissariata yustitsii, po Tsentral'nomu ispravitel'no-trudovomu otdelu, IX-mu Vserossiyskomu s'ezdu sovetov* [Prison affairs in 1921: Report of the People's Commissariat of Justice on the Central Labour Correctional department to the IX All-Russian Soviet Congress]. Moscow, 1921. 32 p. (in Russian).
16. *Vtoroy Vserossiyskiy S'ezd rabotnikov penitentsiarnogo dela (25 noyabrya – 1 dekabrya 1924 goda): stenograficheskiy otchyot (Doklady. Preniya. Rezolyutsiya. Tezisy)* [The Second All-Russian Congress of penitentiary staff (November, 25 – December, 1, 1924): verbatim report (Reports. Debates. Resolution. Thesis)]. NKVD Publ., 1925. 195 p. (in Russian).
17. Luchinsky N. Izvlecheniye iz Otcheta Glavnogo tyuremnogo upravleniya za 1903 god [Abstract from the report of the head penitentiary department in 1903]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii – Department of Justice Magazine*, 1905, no. 8, pp. 273–283 (in Russian).
18. Shamarov V. M. *Kadrovaya rabota v militsii NKVD RSFSR (pravovoye i organizatsionnye osnovy)* [Staff management of the NKVD police in RSFSR (legal and organisational basics)]. Moscow, Akad. upr. MVD Rossii Publ., 1997. 94 p. (in Russian).
19. Kozhevina M. A. Omskaya militseyskaya shkola v sisteme professional'nogo obrazovaniya MVD Rossii: etapy razvitiya [Omsk law enforcement academy in the professional education system of Russian MVD: stages of development]. *Nauchn. vestnik Omsk. akad. MVD Rossii – Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2010, no. 2 (37), pp. 3–6 (in Russian).

Voloshin D. V., Tomsk Institute of Further Training of Penal Officers of the Federal Penal Service of Russia (ul. Govorova, 10, Tomsk, Russian Federation, 634057). E-mail: sdf111@sibmail.com